

Кешка

- Кажется, все погрузили, – парень оглядел повозки и народ, собравшийся возле них. В мыслях за долю секунды пронеслись воспоминания уже годичной давности, все заставляя его вздрагивать. После гибели его семьи, близких людей и всех, кого он знал, молодой человек очень сильно изменился и ему пришлось понять то, что теперь он остался один. Когда немцы вместе с полицией стерли с лица Земли его село, сожгли и расстреляли всех жителей, перед этим изрядно в течение нескольких месяцев над ними поиздевавшись всеми доступными способами, трагедия и боль стали теперь верными спутниками, сопровождающими этого единственного выжившего человека из всей Дубровки.

Со временем эти чувства перестали быть такими острыми, их место в душе парня все больше заполняла пустота. С ней он жил последнее время, однако сейчас она разбавилась тем, что он видел: лица спасенных им и его отрядом людей. Молодой человек еще раз окинул их всех взглядом и направился к командиру. Тот стоял чуть поодаль и разговаривал с некоторыми ребятами из отряда. Увидев его, лейтенант произнес:

- Вот еще один товарищ подошел, отлично. Думаю, этого хватит, – и обратился теперь прямо к нему. – Зотов, нужно еще раз проверить хаты, на случай, если кто-то остался. Пройдитесь по деревне, посмотрите, под развалинами и обломками еще кому-то может потребоваться помощь. Остальных я уже проинструктировал: разделитесь по два-три человека и пройдитесь внимательно.

- Есть. Разрешите выполнять.

- Выполняйте.

Рядовой Зотов был не особенно разговорчив и всегда без лишних вопросов выполнял приказы командира. Как и было приказано, солдаты, для подстраховки вооружившись, разделились по несколько человек и пошли осматривать то, что осталось от очередной сожженной в этих краях деревни. Город от этого места находился не так далеко, накануне его заняли советские войска, и на находящийся там госпиталь у всего отряда и у спасенных людей были сейчас большие надежды.

Пройдя какое-то время вместе с остальными, четверо солдат свернули правее и направились совершать рейд уже по конкретной улице. Среди них были рядовые Иннокентий Зотов и его сослуживец, с которым они уже успели сдружиться – старший сержант Арсений Саврасов, как и многие, называвший младшего приятеля обычно не полным именем, а просто – Кешкой.

Догорали последние избы, ветер развеивал по воздуху пепел. Все, что осталось от бывших домов – черные обугленные печи да трубы. На дороге, в

сгоревших избах и под обломками солдатом встречались мертвые тела немцев, полицаев и жителей, которым не суждено было спастись. Однако живых они не находили. Через какое-то время постепенно, чем дальше они продвигались вглубь деревни, все отчетливее ощущали жуткий запах, но не могли понять, откуда именно он исходит.

- Будто горелое мясо, – приняхавшись, констатировал Арсений. – Причем несет, как от горелой гнили...

- Где-то до сих пор вовсю полыхает?

- Не исключено. Нужно проверить.

- А есть смысл? ...

- Есть, – прервал спор Кешка. – Хуже будет, если там кто-то еще остался, а мы мимо пройдем.

Красноармейцы пошли на запах и едкий дым. Но уже вскоре поняли, что весь этот смрад исходил от здания церкви. Чем ближе они подходили, тем больше дым заполнял легкие и они то и дело кашляли.

- Кх... Ясно все, – один из солдат бросил взгляд на несколько деревянных столбов с балками и остальные взглянули в ту сторону. На них повисли четыре подвешенных тела.

И от небольшой деревянной сельской церквушки уже почти ничего не осталось. В клубах дыма сначала сложно было что-то разглядеть, но, подойдя чуть ближе и приглядевшись, они рассмотрели торчащие из-под горелых обломков отдельные, уже обугленные части человеческих тел.

- Здесь их казнили... - ребята услышали тяжелый голос и обернулись. Кешка стоял прямо, в упор смотрел на бывшую церковь, на виселицы, на тела. Сослуживцы и раньше не замечали на его лице выражения каких-либо эмоций, но сейчас его выдавали широко раскрытые глаза и непроизвольно сжатые кулаки.

- Черт, сейчас у него опять начнется... Пойдем скорей дальше, – сослуживец попытался увести Кешку в сторону, но безуспешно: тот стоял, не двигаясь.

- Послушай, – Арсений подошел ближе и осторожно положил руку товарищу на плечо. – Здесь в живых уже никого не осталось, не нужно терзать себя, этим ты им не поможешь.

- Ну и сколько можно видеть эти твои закидоны?! – вмешался еще один рядовой, который был с ними. - Это война, парень, придется видеть зрелища и хуже!

- Помолчи, – оборвал его Арсений. - От этих твоих слов тоже толку никакого. В себя сейчас придет и пойдем.

- Нечего было тогда идти воевать, раз такой ранимый! Только время зря теряем.

- Рядовой Ухов, не забывай, что я старше тебя по званию. Надеюсь, это ты понимаешь, – отрезал Арсений, подойдя к подчиненному. Тот выставил руки ладонями вперед в знак отступления и отошел в сторону, больше не проронив ни слова.

Кешка их перепалку не слушал, он не отводил взгляд от пепелища. Однако вскоре повернулся к остальным.

- Я могу идти. Простите.

Солдаты двинулись дальше. Но странное гнетущее чувство парня не покидало, и все отчетливее в сознании всплывал тот день апреля сорок второго...

...Снаружи был слышен смех немецких солдат и щелчки фотоаппаратов. В сарае, который снаружи уже был заперт, обезумевшие от страха люди пытались выбраться наружу или хотя бы вытолкать детей, но тщетно. Каратели заталкивали всех назад, угрожая оружием.

Различались некоторые немецкие слова и ругательства. Женщины прижимали к себе маленьких детей, а те, что были чуть старше, сжались в кучку. Здесь, в тесном сарае, были все те, с кем каратели могли расправиться без труда: дети, женщины и старики. Кешке было уже четырнадцать, он видел некоторых своих ровесников, которым удалось избежать расстрела, но и они сейчас были на волосок от смерти. Люди каждую секунду пытались вырваться, кричали, плакали. А немцы смеялись.

Вспыхнула первая стена, все отшатнулись. Потом вторая, третья... Стали слышны истошные визги и крики загоревшихся...

Внезапно раздались выстрелы, автоматные очереди, кто-то из карателей закричал: «Партизаны!» Отстреливаясь и спасая свои шкуры, немцы ринулись куда-то вглубь деревни, позабыв про сарай. Люди еще сильнее ломались наружу, была невероятная давка, и вдруг Кешка, подняв голову вверх, заметил в крыше зияющую дыру, где проломились гнилые доски. Стена, близко к которой была эта дыра, почему-то почти не загорелась, лишь тлела, и это было на руку.

- Народ, сюда скорее, малых берите! Через крышу можно выбраться!

Кто-то уже пропал из виду, издавая протяжные стоны. Сквозь дым и языки пламени ничего не было видно, но докричаться парню удалось, все ринулись к этой дыре, выталкивали детей, выпрыгивали сами. Кешка из-за невысокого роста не мог дотянуться, но вытаскивал из огня малышей и помогал их подсаживать. Вдруг он почувствовал, как сзади его что-то подхватило, и он услышал за спиной: «Тебе еще не время помирать!» и, ухватившись за спасительные доски руками, успел лишь мельком увидеть тучного высокого дядьку Макара. В последний момент кто-то сунул Кешке совсем маленького ребенка, он одной рукой прижал его, другой рывком подтянулся и выбрался на воздух.

Все, кому удалось выбраться, бежали в лес. Кешка с плачущим ребенком на руках кинулся за ними, и через несколько мгновений за его спиной раздался сильный треск. Он обернулся и увидел, что крыша сарая обвалилась, а тех, кто еще пытался выбраться, затянул огонь...

- Все... - выдохнул он и, резко развернувшись, не разбирая дороги, еще быстрее бросился вглубь леса.

Дальнейшие события лишь отрывками отложились в памяти: как они попали к партизанам, шок, паника и боль, сменившиеся постепенно отчаянием, ненавистью и тоской. Прошло несколько дней, пока Кешка пришел в себя и мог говорить. Тогда он и узнал, что большая часть тех, кто смог выбраться из пожара, в основном дети, умерли: кто-то от слишком сильных ожогов, у кого-то были тяжелые травмы и гангрена.

Уже позже подростки и те из женщин, кто были покрепче, научились стрелять и даже делали вместе с солдатами диверсионные вылазки. Почти все возраст свой настоящий не называли, так как упорно не хотели отсиживаться просто так, и у всех у них в головах было одно: желание отомстить.

Среди этих ребят был и Кешка. Выглядел он старше своего возраста, ему лишних вопросов не задавали, и охотно поверив в то, что уже есть семнадцать лет, дали в руки автомат. Отряд не сидел на одном месте, поэтому возможностей проверить полученные навыки было немало. Живыми возвращались не все, с продовольствием была настоящая беда, поэтому форма однажды ему досталась от одного из погибших товарищей. Наступил новый этап в жизни парня: потеряв всех своих родных, ему пришлось очень быстро взрослеть...

- Ты в порядке? – осторожно поинтересовался Арсений у друга, когда они отошли от очередного пепелища.

- Да... Так, ничего, вспомнилось просто.

- Понятно. Только ты в эти воспоминания сильно не уходи, крыша может поехать. Жить сейчас надо, в эту минуту, пока у тебя есть такая возможность, надо жить. Ты никогда не забудешь весь произошедший ужас, но не позволяй ему управлять тобой, иначе для врагов будешь живой мишенью.

Кешка ничего не ответил, только кивнул головой. Ребята пошли дальше. Арсений споткнулся о пустой немецкий автомат, и, выругавшись, пнул его подальше, так, что тот отлетел в лужу, рядом с которой лежал с пробитой головой его возможный хозяин.

- Сволочь! Главное, чтоб никто из них тут не засел.

- Ага... погоди, ты слышишь? ... - Кешка резко остановился.

- Ну что опять?

- Тихо. Прислушайтесь.

Все остановили шаг и среди окружающей тишины услышали тихий плач ребенка.

- Братцы, кажись, там, – Арсений указал на ближайшую избу, а точнее, то, что от нее осталось. Подойдя ближе и заглянув за печь, ребята увидели свернувшуюся калачиком маленькую девочку лет четырех-пяти. Ребенок дрожал от страха и плакал, закрыв глаза кулачками. Увидев солдат, девочка вздрогнула и отползла назад.

- Тихо, тихо, не бойся! Мы свои, – Кешка присел рядом с ребенком на корточки и как можно дружелюбнее спросил, как ее зовут.

- Лел-е-ночка... - тихо прошептала малышка. Потом вдруг подскочила и маленькими ручками обхватила Кешу за шею. – Я к маме хот-тю...

На солдат нахлынули самые нежные и теплые чувства, но они предпочли быстро это скрыть. Рядовой Ухов спросил:

- А как зовут твою маму?

- М-мая. Она класивая! У нее челные волосы, как у меня, и глаза челные...

- Понятно... Ну пойдем, она, наверное, уже ждет тебя...

После этой фразы Кешка посмотрел на сослуживца взглядом, в котором удивление было смешано с возмущением и незаметно для девочки, покрутил пальцем у виска. На лицах Арсения и другого их товарища было написано то же самое. Сержант вполголоса сказал рядовому:

- Думай, что говоришь. Неизвестно пока, жива ее мать, или нет.

Кешка заметил, что девочка совсем легко одета, а погода была пасмурной и прохладной, хоть и близился май. Он снял свою гимнастерку и застегнул на Леночке, подвернув рукава, а сам остался в одной рубашке. Затем он взял ее на руки, и ребята направились дальше по дороге с намерением пересечься со своими и вернуться уже назад в отряд. Девочка какое-то время просто сидела у солдата на руках, потом опустила головку на его правое плечо и засопела. Теперь все шли и разговаривали по дороге вполголоса, боясь ее разбудить.

- Любят тебя дети, Зотов, – Арсений с умиленной улыбкой смотрел, как его сослуживец, будучи младше него, по-отцовски ведет себя с маленьким созданием. – У тебя братья, сестры есть?

- Нас шестеро в семье было, – ответил Кешка. – Кроме меня четыре сестры и один мой старший брат. Батя офицер, они вдвоем воевать ушли в июне сорок первого. Какое-то время были письма, а потом... Через три месяца в сентябре они прекратились.

- Не было похоронок на них?

- В том-то и дело, что нет. Мы все ждали, но ничего не приходило, даже о том, что пропали без вести. А потом пришли немцы и... Кхм. Дальше мучения длились недолго.

- Что ты имеешь ввиду?

- Маму и двух младших сестер расстреляли у нас на глазах. А старших... Когда я пришел домой... Они обе лежали на полу в крови и уже не дышали. Я до сих пор проклинаю себя за то, что меня тогда не было рядом.

- Прости за вопрос: сколько их было?

- Немцев?

- Да.

- Когда я подходил к дому, их вышло четверо. Увидев меня, они ухмыльнулись, что-то сказали на своем языке и начали смеяться. А я со всех ног кинулся туда, но... Я не успел... Они уже были, - он сделал паузу и сглотнул.

- Кешка, смысла винить себя сейчас нет, ты все равно бы не смог им помочь, – ответил Арсений. – Они вооружены были до зубов, да и один на четверых – такой себе шанс, так что... Легче отпустить, чем тянуть все это за собой. Хотя... Понимаю, насколько тебе мои слова сейчас кажутся пустыми. Но тебе со временем станет легче, увидишь.

- Может быть... Но с того дня я дома не мог ночевать и там, где был наш храм, не появлялся. Мама с сестрами все время в глазах стояли, да и сейчас бывает... Снятся или просто, будто бы перед собой их вижу. Я же поэтому, когда эту церковь увидел, виселицы... В общем, это снова случилось.

- А на огонь у тебя всякий раз такая реакция... Сарай горящий забыть не можешь? – сержант Саврасов при разговоре был прямолинеен, однако всегда откуда-то знал, что можно в данный момент обсуждать с собеседником, а что не стоит.

- Было бы что помнить... Тогда суматоха была, огонь и дым везде... Ух... - Кешка поежился. - Ладно. Извините, братцы, что вам это слушать пришлось.

Но даже Иван Ухов, с которым Кешка не особо ладил, сказал сейчас:

- У каждого из нас есть какая-то своя история и повод ненавидеть фрицев. Сержант прав: с болью тянуть за собой воспоминания на войне – все равно, что добровольно на врагов без оружия кидаться. Но если научиться пользоваться ненавистью, которая в тебе сидит, больше сможешь этих тварей на тот свет отправить. Там уже пусть с ними разбираются, как заслужили.

- Слышать это от сына батюшки непривычно, – незлобно ухмыльнулся самый молчаливый из ребят – молодой рядовой Васька Петрухин. Он был почти одного возраста с Кешкой.

- Я всего лишь сказал правду.

- Зотов, а ведь от тебя мы так много слов еще ни разу не слышали. И ты очень спокойно рассказываешь обо всем, – Васька кивнул на Леночку. - Это сопящее чудо на тебя отлично повлияло!

- Может, так оно и есть, – уже, не скрывая улыбки, ответил ему Кешка. – Я за долгое время впервые почувствовал, что живой. По-настоящему живой. Она очень похожа на мою самую младшую сестренку и на ту девчонку, которую я тогда при пожаре вытащил. Знаете... Я увидел этого ребенка и сразу пообещал себе, что, пока жив, рядом со мной будет больше спасенных детей, чем погибших. Впервые за долгое время, братцы, у меня появилась какая-то цель, теперь знаю, ради чего дальше жить.

И все уже шли в приподнятом настроении, несмотря на серый день. И даже гнетущая картина догорающей деревни уже не так оседала в их душах. Они несли маленькую спасенную жизнь, этого уже было достаточно, чтобы хоть на какое-то время забыть обо всех ужасах войны.

Все бы ничего, но Кешку внутри что-то все равно заставляло нервничать, хотя он это умело скрывал. Вокруг стояла тишина такая, что можно было расслышать даже малейшие шорохи. Тем не менее, ему все больше казалось, что это затишье перед бурей.

Внезапно Ухов остановился, как вкопанный, и одним движением скинул с плеч автомат. Остальные без лишних слов последовали его примеру. Кешка немного встряхнул Леночку и опустил ее на землю. Все они окружили ребенка и сейчас были наготове. Ухов кивком головы показал на большой сиреневый куст, и они с сержантом осторожно пошли его проверить. Вдруг раздалась автоматная очередь, рядовой упал, выронив свой автомат, сержант откатился в сторону и выстрелил в ответ. Васька Петрухин и Кешка молниеносно среагировали, заслонили ребенка и тоже отстреливались. Очереди раздавались будто из ниоткуда, то тут, то там, но в каких-то точках уже прекращались. Число стрелявших было не разобрать, и предугадать очередные выстрелы тоже было невозможно.

Васька отбежал в сторону, продолжая гасить выстрелы, а Кешка мельком заметил погреб и старался отходить ближе к нему, чтобы укрыть Лену. Через какое-то время выстрелы прекратились, бойцы осторожно огляделись вокруг.

- Все живы? – Арсений первым подал голос и встал. – Ухов, ты там цел?

- Да, до свадьбы заживет... Бывало и хуже, – хрипло ответил Иван, держась за ногу.

- Я тоже цел! – крикнул Васька.

- И мы! Лена сильно испугалась только... – Кешка отдышался и сейчас успокаивал ее.

Но одного стрелка они не заметили. Прозвучал одиночный выстрел. На мгновение все замерли, Арсений пустил ответную пулю туда, откуда он раздался и послышался характерный звук падающего тела. Все в испуге переглянулись и увидели, как Кешка, который мгновение назад стоял на месте, пошатнулся и рухнул на землю рядом с девочкой, свернувшись от пронзившей боли.

- Зотов!!! – товарищи, быстро подбежали к нему.

- Бр-ратцы... Девчонку у..уве...дите... - сдавленно пытался говорить он, прижимая руку к животу. Между пальцев сочились бордовые струи крови. Леночка сидела возле солдата и своими ручками держалась за его плечо.

- Солдатик, ты ланен? Ты дложишь, тебе больно?.. Возьми култочку свою, я уже соглелась!..

- Не надо... Не холодно мне... Сеня, уведи ее, прошу тебя... Пожалуйста...

- Кешка, черт возьми, что ж ты... - Арсений отодвинул руку Кеши и все увидели большую рану на животе, которая сильно кровоточила. – Не дури, мы дойдем, все вместе! Рана пустяковая, все хорошо будет, слышишь?!

Кешка стиснул зубы, чтобы не закричать от «пустяковой» раны и еще больше не напугать малышку.

- Вы все видите! Уведите... Реб..бенка... - в следующую секунду он закашлялся и затих.

Леночка тормошила солдата, звала, плакала, но вскоре поняла, что это уже не поможет. Арсений молча накинул на него свою гимнастерку, повесил на плечо две винтовки и поднял друга на руки. Все повернули обратно, не проронив ни единого слова, Арсений нес товарища позади всех, не в силах сдерживать катившиеся градом слезы. Леночка хлюпала и топала рядом, ухватившись за край Сенькиной рубашки.

Надежда, вера и любовь, на самом деле – очень сильные вещи. Сильнее, чем думают многие. И есть у них одно общее прекрасное свойство – чем больше обстоятельства стараются их отнять, чем больше давят на человека, тем сильнее эти три святых слова становятся, крепнут, принимают физическую форму и обретают такую невероятную силу, что способны вступить в бой с самой смертью...

Так случилось и в этот раз. Серьезное ранение, несовместимое с жизнью, казалось, завершило путь рядового Зотова, но, вопреки всему, он выжил. Теряя сознание от боли, он готов уже был встретиться со своей семьей на небе, но у Бога на этот счет были другие планы...

Кешка очнулся в палате госпиталя. Пока он пытался вернуться к реальности и осознать, что он живой, к нему подошли медсестры. Девчонки совсем еще молоденькие, немногим, наверное, старше него. Приподнимая солдата, бережно снимая испачканную кровью повязку и накладывая чистую, они что-то говорили, приветливо улыбаясь, и парень сквозь медленно затихающий гул в ушах даже различал отдельные слова. Когда они ушли, он прикрыл глаза и, казалось, шум в голове ушел совсем.

Сложно было определить, сколько времени он так пролежал, но, когда уже начал немного дремать, услышал вдруг знакомый голос:

- Брат, ты живой?

Кешка открыл глаза и увидел Саврасова. Сержант подошел ближе и опустился на стул, стоящий рядом.

- Ты как?

- Вроде жив пока, – ответил Кешка. – Я как здесь оказался? Мы в городе?

- Да, вчера доехали к вечеру. Ты еще подавал признаки жизни, а на подъезде к городу... В общем, все думали, что ты умер. Похолодел весь. Я давай тебя трясти, откачивать...

После недолгой паузы продолжил:

- Смотрели, наверное, как на полоумного... А я... Я не хотел верить, понимаешь... Потом врачи уже посмотрели и оказалось, что ты дышишь. А дальше унесли вместе с другими ранеными.

Арсений старался говорить максимально равнодушно, но Кешка все равно различил некоторую дрожь в голосе и нежелание друга при разговоре смотреть прямо на него. Прежде чем он успел что-то ответить, сержант резко встал и сказал:

- Я раньше сомневался, а теперь знаю: Бог есть!

Девочка отвернулась и отошла к окну, по ее щекам текли слезы.

- Мы вчера... Были на похоронах. У меня прадедушка умер... Саврасов Арсений Константинович. Он...

- Постой, постой... - перебил ее Иннокентий. – Как его звали?

- Саврасов Арсений Константинович... Ему девяносто два было.

Тут Иннокентий встал, подошел к шифоньеру и достал стопку связанных резинкой старых пожелтевших фото. Отложив по очереди первые четыре со словами: «Не то...», он, наконец, взял пятую в руки и сказал:

- Вот она, нашел-таки. Внушка, погляди-ка, не твой ли это прадед в молодости? Вот, слева.

Лена широко раскрытыми синими глазами смотрела на снимок, на котором были запечатлены маленькая девочка лет пяти и два солдата в форме, один из которых, кто бы мог подумать, был ее любимым прадедушкой в молодости.

- Да, это он. Вы... Вы его знали?

Меньше всего Иннокентий хотел услышать эти слова. Он вспомнил своего лучшего друга, с лица которого почти никогда не сходила улыбка, его искрометный юмор, иногда задумчиво мечтательный, но одновременно с этим серьезный взгляд. Глаза у дедушки увлажнились, он несколько раз поморгал и обратился к девочке:

- Лена, золотце, сядь рядом.

Девочка присела на край дивана.

- Скажи мне, ты знаешь, кто тебе дал твое имя, когда ты родилась?

- Прадедушка. Но он никогда не рассказывал, почему.

- Тогда я расскажу тебе. По своей не очень хорошей памяти я не сразу вспомнил, где же раньше мог видеть тебя, зато теперь понимаю. Ты почти точная копия вот этой маленькой девочки.

- А как ее звали?

- Ее звали Лена, как и тебя. После войны твой прадедушка сумел отыскать ее маму, они полюбили друг друга, потом сыграли свадьбу. А вскоре и эту девочку забрали из детского дома. Вот и получается, Лена, что эта девочка - твоя родная бабушка.

Школьница взглянула на снимок.

- Так вот оно что... Иннокентий Васильевич, а почему именно она с вами на снимке? Вы же там, наверное, не могли со всеми фотографироваться?

- Сейчас расскажу. Только, внученька, называй меня просто – дед Кеша. Твой прадед был и будет моим лучшим другом. Мы бок о бок прошли войну, и для меня за радость будет рассказать тебе о нем побольше. Ты знаешь...

Рассказ дедушки занял чуть больше часа. Уже успела вернуться ее мама, которая тоже была приятно удивлена такому повороту событий и с не меньшим интересом, чем дочь, слушала ветерана. Она сама уже не надеялась встретить кого-то из знакомых деда, но Бог принес им неожиданный подарок. После они втроем вышли на улицу.

- Иннокентий Васильевич, будем теперь заходить к Вам чаще! – улыбнулась женщина ветерану, и он заметил, что улыбку внука Арсения Саврасова полностью переняла у своего деда.

- Спасибо, рад это слышать! Бабушку свою приводите, думаю, она тоже будет рада.

Дворик медленно укрывался белыми пушистыми снежинками. Леночка молчала, и по ее взгляду было видно, что она крепко обдумывает все то, что сейчас узнала. Вскоре они попрощались с дедушкой и пошли по направлению к своему дому, периодически оборачиваясь и махая ему руками. Иннокентий какое-то время смотрел им вслед, а потом, устремив взгляд в небо, тихо произнес:

- Сенька Саврасов, братишка, я многое сказать не успел. Пусть родного деда и прадеда я не смогу им заменить, но даю слово – тебе там, наверху, не будет стыдно за меня!